Денис Васильевич Майданов прибыл в Братск семнадцатого апреля нынешнего года. Приезд любимого артиста совпал с Родительским днём. Я шёл по родному посёлку Гидростроитель после суточного дежурства и невольно думал, почему так случилось. Словно подтверждая мои мысли, встретилась по пути знакомая женщина Ирина, она спешила в церковь. Переодевшись дома, поспешил в наш правобережный храм «Преображения Господня» помолиться соборно с родными своими прихожанами за усопших. Сколько уж наших прихожан лежат на погосте, невольно воскресает в памяти наша любимая всеми Александра Егоровна Сухорукова, Анна Ивановна Чусова и многие-многие другие. Что стоит за этими словами «многие-многие»... вся жизнь наша стоит. Затеплив свечу, стою, внемлю молитвам. После молебна ко мне тихонько подошла в белом платочке дочка нашей Егоровны, Елена:

- Мама мне говорила: "Когда помру, буду в этот день прилетать в наш храм и глядеть, все ли пришли".

Улыбнувшись, Лена продолжила:

- Любила мамочка моя настроение людям поднять.

Я дотрагиваюсь рукой до её белого платка, провожу ладонью по её голове. После того, как похоронили Александру Егоровну, она продолжила дело своей мамы в нашем храме - стала заведовать библиотекой, не счесть за ней добрых дел.

И вот уже идём из храма с Ниной Николаевной Шульга, она очень взволнованно рассказывает:

- Сегодня, Толя, Денис Майданов приехал с концертом, слышал, наверно, об этом. Я батюшке нашему Георгию говорю, мол, концерт совпал с Радоницей - это, наверно, плохо, нельзя выступать с песнями-то. А отец Георгий говорит: «Концерт будет вечером, ничего страшного в этом нет, жизнь есть жизнь». Сегодня днём я встречаюсь с Денисом на нашем правобережном погосте, а вечером он меня на свой концерт пригласил.

Нина Николаевна тихо, с помощью тросточки, поковыляла до

дому, больные ноги много лет сильно мучили её, сердешную. Я же на прощание попросил рассказать потом, как там всё будет. Денег, чтобы купить билет на концерт, как всегда, у меня не было, недавно выпустил новую детскую книгу и уже раздал её по школам и библиотекам. Творчество Дениса Майданова мне по душе, и я был очень рад за Нину Николаевну. Кто, как ни она, заслуживает праздника души...

Я уже писал об этой воистину замечательной женщине, знал, что с 2011 года Нина Николаевна ухаживает за могилкой родного дяди Дениса Майданова - Лобачёва Александра Петровича. Но в той статье я писал о её жизни, а об этом факте она тогда упомянула вскользь, из врождённой своей скромности. Она была другом Александра Петровича, а для неё он был просто Саша. Жили они по-соседству: Нина Николаевна в квартире, Александр - в общежитии. Но познакомились много позже, когда Николаевна работала поваром на отопительном заводе, где Александр трудился грузчиком. Личная жизнь родного дяди Дениса Майданова не сложилась. Молодым приехал в Братск, много работал, доводилось работать в лесу. Братск в то время гремел своей трудовой славой

на всю нашу необъятную и милую сердцу Родину. Жить в нашем городе было невероятно интересно, потому как город был молодой. Александр Петрович любил ходить в спортивной одежде, не признавая костюмов. Прямо во дворе устраивались футбольные баталии, соревнования по волейболу, в которых он очень любил участвовать. Есть такое понятие - «притяжение Братском», и Александр Петрович сроднился с сибирским городом и не мыслил никуда уезжать. Были друзья, а характер был такой, что последнюю рубаху снимет с себя, а поможет нуждающемуся человеку. Когда у Александра случилась онкология, Нина Николаевна всегда была рядом. Вот, что она мне рассказывала позже:

- Мама Дениса Майданова, Евгения Петровна, доводится родной сестрой Саше, она и Денис постоянно звонили ему. И когда случилась беда, семья Майдановых делала всё возможное - помогали лекарствами, деньгами. В 2011 году Саши не стало, Евгения Петровна приезжала в Братск. Наш тогда ещё совсем молодой отец Георгий совершил чин отпевания. После Евгения Петровна рассказывала Нине Николаевне, что когда растила Дениса, работала на трёх работах: «Однажды, убирая подъезд, услышала, что Дениска мой заплакал, подниматься по этажам долго, а люди вокруг жили очень добрые. Поднимаюсь, гляжу, а моего сына уже кто-то качает, и он уже не плачет». Отец вскоре оставил семью, и брат Саша был немалой поддержкой для маленького Дениса и сестры...

Нина Николаевна всю жизнь проработала поваром, таскала немыслимые для женщины тяжести, потому уже много лет мучается ногами. Денис после похорон родного дяди не забыл Николаевну, присылал деньги, отправил поправить здоровье на курорт «ТенториумСпа» в Пермь, где лечат мёдом, прополисом, занимаются апитерапией. По словам Нины Николаевны, лечение это ей очень помогло.

Недавно по компьютеру я смотрел концерт Дениса Майданова в Кремле, был до слёз тронут тем, как он любит свою маму - в глазах сына стояли слёзы. А он нёс цветы Евгении Петровне, скромно сидящей в зале. После, когда сын с мамой обнялись, и Евгения Петровна села на место, к ней подбежала какая-то женщина и подарила ей букет цветов. Такое действо трогает душу

всамделишно. Дай Бог каждому такого сына. Глядя концерт, плакал и я. Такое со мною случается, когда вижу по-настоящему праведное. Вспомнилось, как плакал под песни Александра Барыкина из альбома «Молись, дитя», песни Александра Михайлова, Олега Газманова, Николая Расторгуева, Михаила Евдокимова, Сергея Безрукова, потому как наше это всё...

Семнадцатого апреля Денис Майданов мчался с другом по плотине Братской ГЭС на наш правобережный погост. Подъехав к могилке родного дяди, обнимал Нину Николаевну, как после она мне скажет, тепло от него шло какое-то необыкновенное. На концерте Николаевна сидела в первых рядах, радовалась со всеми, ведь Дениса братчане встретили очень тепло. Всех до глубины души поразили слова, которые, выйдя на сцену, любимый артист

сказал в зал:

- Есть ещё один момент, почему я рад сегодня быть в Братске. Потому что здесь всю жизнь прожил мой родной дядя Александр Петрович Лобачёв. Мне очень хотелось, чтобы он застал мой концерт в своём городе, но так случилось, что 2011 год был тогда ещё временем моего творческого восхождения. Но я всё равно очень рад, что приехал сюда. Я очень этого хотел. Сегодня мы ездили на кладбище. Я был на могиле дяди, рад, что это произошло именно в такой день – в Родительский день. Дядя был мне старшим товарищем. Отец с мамой развелись, когда мне было восемь лет, и участие дяди в моей жизни было очень важным для меня и очень трогательным. Мы постоянно с ним созванивались, и каждый звонок для меня был очень дорог. Сегодня я посвящаю этот концерт жителю города Братска Александру Петровичу Лобачёву. Сегодня вы услышите всё лучшее, что было создано мной за прошедшие годы.

Концерт состоялся, были бурные овации, братчане долго не отпускали любимого артиста. Кто танцевал, кто подпевал, плакал, все желающие получили автограф. После концерта Денис разговаривал с Ниной Николаевной, но это было действительно очень личное и без сомнения - дорогое их сердцам общение.

Прошло несколько дней, а жизнь всё откладывала мой приход к Нине Николаевне. За это время в городской газете «Знамя» вышла статья о Денисе Майданове. Я купил газету, и теперь шёл в гости к Нине Николаевне. В воскресенье, как всегда, в храме была служба, я же тогда был на работе, но думал, что наши прихожане уже прочитали статью. А вышло так, что от меня она и узнала, что появилась статья в газете. Протянул ей в руки газету, Николаевна робко взяла её. Зрение у этого замечательного человека совсем никудышное, поэтому прочитал ей статью я. Немного помолчав, сказала, что написано всё верно.

Нина Николаевна рассказывает:

- У Саши, конечно же, были друзья - семьи Волковых, Вычужиных постоянно навещают его могилку, и тоже, как и я, ухаживают. В этом году Сергей с Таней Волковы оградку покрасили. Саша очень с ними дружил. Однажды дочка у них заболела, повезли в Иркутск, Саша сопровождал и очень помог

всё найти в большом городе.

И вдруг улыбнувшись:

- Мы ведь с Сашей немного бизнесом занимались, я-то торгашка - стою и его товар продаю, а он отойдёт в сторону, говорил, стесняется. Я застраховала его в Колымской, последние дни совсем тяжело ему было, говорил: «Мамочка, забери меня к себе», я ему говорю: «Не надо так». Но он терпеливый был, случалось, и выпивал, но всегда оставался человеком. Народу на похоронах было много, и немудрено это - ведь Саша столько лет в Братске прожил. Саша ведь родом с Луганска, но это было давно, затем переехали в Саратов, Денис-то, скорее всего, в Саратове родился. Не забудешь теперь, дали Денису большую машину, подъезжает, подходит к могилке Сашиной, говорю ему: «Христос Воскресе», улыбается, отвечает: «Воистину Воскресе», очень тепло на душе как-то было. Ходили, помню, с Евгенией Петровной по нашему посёлку Гидростроитель, показываю ей, где жил, где ходил её брат, глубоко это всё. Рассказывала ей и про себя, что всю жизнь поваром проработала, на супах любила стоять. Мама моя мне говорила: «Будешь работать поваром - не воруй», я всё думала - зачем? Ведь такая работа, что всегда поесть можно. Всё вот так просто рассказывала маме Дениса, простые они оба, до того добрые, что и не высказать словами, прямо души их светятся. Вчера был такой замечательный день, причастилась святых тайн. Знаешь, Анатолий, возле церкви стоят, просят деньги, я их всех знаю, и против, чтобы деньги им давали, лучше продукты давать, да и столовая у нас при храме - всегда можно покушать. А деньги они пропивают - это точно, пьют боярышник, сколько зла в этих маленьких бутылочках, не счесть никогда. Я вот всего повидала, и с уголовниками общалась, в столовой-то раньше каких только людей ни встретишь. Но вот Владимира Путина уважаю. Тяжёл крест его шибко, помоги ему Господи! Я очень рада, что Денис приехал на дядину могилку, если бы ты видел, какой был концерт, как любят Дениса все. Настроение было такое, что хоть и ноги болят, хотелось танцевать, меня ведь батюшка наш Георгий благословил, чтобы на концерт-то съездить, потому и было всё хорошо.

Больше поговорить не удалось - пришла к Николаевне знакомая,

но я был рад, что газету доставил по назначению, и пришло мне в голову, чтобы картина была более ясной, вставить сюда и эту статью о Нине Николаевне, которую писал сравнительно недавно, думается, она к месту будет...

«Обращение». Из жизни

Приметил я её давно в нашем храме: бывало, выйдешь после службы, она стоит, пирожки собственного производства разложит на большом самодельном столе и говорит:

- Берите пирожки, сама пекла, да кто сколько может, на строительство нового храма вносите.

Смотрит на входящих и выходящих внимательно, да так, что всерьёз кажется, словно боевой офицер она. Пироги у неё с начинкой из грибов, моркови, картошки, капусты белокочанной и цветной, идут в ход и различные яблочные, абрикосовые пюре. Когда наступает весна, появляются пироги с черемшой, диким и домашним зелёным луком, рыбой, ибо всех лучше, как известно, она, родимая, именно весной ловится. Идёт в ход окунь, сорога, карась, налим, щука, даже бычки. Благородные сорта рыбы, такие как омуль, хариус, таймень, ленок, пелядь, ловятся сейчас крайне редко в Ангаре, потому их в рационе у неё не бывает, а вот из простой рыбы готовит такие пироги, что не доводилось мне ещё таких отведать, хотя мама моя тоже мастерица в этом деле. Вдруг взгляд её обратился ко мне, я даже засмущался — уж больно строга показалась воистину могучая русская женщина. Познакомились, оказалось, что зовут её Нина Николаевна Шульга, работала много лет поваром, возглавляла бригаду общественного питания. Вот и открылась одна из загадок по поводу шибкой вкусности её пирогов. Невольно подумалось, что вот бы везде так — чтобы работали профессионалы своего дела. Вспомнилась и знаменитая книга Похлёбкина о кулинарии, где он прямо писал, что от повара зависит и настроение человека. Ем её пироги, гляжу на входящих и выходящих прихожан, они берут пироги, кладут в блюдечко, кто сколько может ,копеечек, но разговор наш странным образом не прерывается; спросила - где, мол, живу, ответил, Нина Николаевна вдруг встрепенулась:

— Дак, там же возле тебя недалеко Колька в колодце живёт.

Протягивает мне четыре пирога и велит, чтобы я отнёс их Коле. Я тоже подкармливал этого несчастного и был очень рад в душе, что познакомился с добрым человеком. В следующее воскресенье, придя на службу, отыскал Нину Николаевну в храме и доложил, что пироги переданы по назначению. Она снова строго глянула на меня, затем неожиданно её лицо слегка просветлело, но это было крохотное, едва приметное что-то, но именно в это мгновение она сказала:

— Ну, передал и молодец.

Мгновенно отвернувшись от меня, она пошла по своим делам. Её мощное телосложение, взгляд говорили недвусмысленно, что она не робкого десятка, и уж совершенно точно сможет постоять за себя. Моя фантазия разыгралась до того, что я подумал, что она и полком бы вполне смогла командовать. Так постепенно мы знакомились всё ближе, стояли рядом во время церковной службы. У меня в то время сильно болели ноги, у неё тоже болели ноги, и я чуял нутром, что у неё болят ещё шибче, чем у меня, ибо я значительно моложе. Вспомнилась мне тогда тётя Тамара, которая всю жизнь отработала поваром и рассказывала, как начальство называло их лошадьми, ибо таскали они на себе коровьи и свиные туши, тяжеленные бачки, ежедневно чистили ваннами картошку, как, когда состарилась тётя Тамара, пошла к врачу с жалобой на ноги. Врач остолбенел от увиденного и изрёк:

— Никогда в жизни не видел таких страшных ног.

О ней, сердешной, я писал в рассказе «Бачки»... Слушая священника и молясь, думалось мне ещё и о Нине Николаевне, ведь у неё, по всему видать, положение, как у тёти Тамары. Когда во время службы отец Георгий закрыл врата, Нина Николаевна присела на беленькую лавочку и каким-то неведомым мне чудом почувствовала, что мне тоже больно стоять, тихо сказала:

— Садись, Толя, отдохни. Пока врата закрыты, можно и посидеть нам, больным.

Опять же тихо дала несколько народных советов лечения ног. Прошли месяцы с той поры, и однажды, придя на вечернюю службу, готовясь к тому, чтобы исповедаться, я вновь увидел Нину Николаевну. Она тихо подошла ко мне, и сказала, что надо

поговорить. После службы мы потихоньку шли по родному посёлку Гидростроителю, казавшийся мне когда-то её командирским голос был нынче вовсе не командирский, а простой задушевный:

— Я, Толик, надумала на передачу «Пусть говорят» Андрею Малахову написать, чтобы помогли нам храм достроить.

Она вытащила из сумки несколько больших исписанных мелким почерком листов, протянув их мне, добавила:

— Ты писатель, поправь, что не так.

Спрашиваю удивлённо:

— И ты всерьёз думаешь, что помогут?

Нина Николаевна, ничуть не смутившись, ответствовала:

— Они там на передаче даже отъявленным сволочам помогают, а тут ведь святое дело.

Опять задумавшись, тихо сказала:

- Ты глянь, там, конечно, безграмотно написано, но от души. Я всю жизнь людей кормила, некогда мне было грамоту познавать. Да не думай, школу-то я закончила, просто писать сочинение для меня — это очень трудно.

Придя домой, я принялся читать. Можно было подумать, что писала это не шестидесятилетняя с заметным лишком женщина, а третьеклассница. Но написано было от души. Составил со слов Нины Николаевны обращение, вот оно:

«Обращение»

Я, Шульга Нина Николаевна, жительница города Братска, обращаюсь на передачу «Пусть говорят». Может быть, как-то можно сделать, чтобы это обращение прочитали многие люди, ведь город Братск, без всякого преувеличения, строила вся наша многонациональная страна. Обращение моё ко всем, кто за годы жизни в Братске стали для меня дорогими и близкими. Теперь все давно разъехались, многие живут за рубежом, а я теперь, как и многие первостроители, с восторгом и болью вспоминаю былую и нынешнюю жизнь.

Меня действительно знали очень многие братчане, ведь работала я поваром в разных организациях, любила и до сих пор люблю кормить людей. Вспоминается наш лагерь «Варяг», где начальником работал Фред Павлович Юсфин, воспитывались там

и беспризорники. Там была для мальчишек настоящая матросская жизнь: устав, форма, лодки, катера, корабли, палатки. И былые беспризорники становились в будущем капитанами дальнего плавания, старпомами, мичманами, офицерами... Такого лагеря не было нигде в Союзе.

К нам приезжали многие иностранные делегации. Был такой случай: приезжают к нам немцы, выходит к ним на встречу наш известный всей стране детский писатель Михасенко Геннадий Павлович, который работал у нас сторожем, и на чистом немецком языке всё им показывает и объясняет. Дивились после немцы тому, что в далёкой Сибири простые сторожа по-немецки замечательно разговаривают. Артисты приезжали: Алла Пугачёва, Иосиф Кобзон, Александра Пахмутова, Валентина Толкунова, Людмила Сенчина и многие, многие другие.

Братск был настоящим полюсом мужества, было даже такое понятие — притяжение Братска. Действительно, была очень интересная, во многом поучительная жизнь, и я готова была работать бесплатно, лишь бы накормить людей. Теперь всё в прошлом, и положение дел в Братске оставляет желать лучшего: наркомания, пьянство, безработица, люди от всего этого страшно гибнут от безысходности, и обвинять их за это грех, ибо человеку крайне нужна работа, а его лишили этого, но да это и не диво вовсе, по всей стране примерно то же.

Что же заставило меня, Шульгу Нину Николаевну, обратиться на народную передачу? Сейчас я на пенсии, являюсь прихожанкой храма «Преображения Господня». Церковные службы у нас проходят в восстановленном нашими прихожанами старом детском садике. Но, слава Богу, строится новый храм, не хватает несколько десятков поддонов кирпича. А так нестерпимо хочется, чтобы храм был, наконец, достроен. Повторяю, меня знают очень многие люди, которые волею жизни покинули Братск. Может, кто и откликнется, поможет. Ведь после развала Советского Союза и страшных девяностых стали возрождаться православные храмы по всей нашей Богом хранимой стране. Только благодаря этим воистину праведным делам спаслось и продолжает спасаться очень много наших людей. Боль моя очевидна, поэтому прошу: помогите достроить наш храм «Преображения Господня».

С поклоном, Нина Николаевна Шульга».

Пошёл с этим обращением к ней домой. Быстро отыскиваю дом — а чего тут не отыскать, в одном посёлке живём. Но всё же шёл, волнуясь — одобрит ли. С её военным характером ещё взашей выгонит, но это были просто мои глупые мысли, которые также просто являются, как и, смею надеяться, умные. Войдя в подъезд, остолбенел — весь деревянный двухэтажный старый их подъезд был оформлен под встречу Нового года. Живая ёлка со старыми, но изумительно красивыми игрушками пахла настоящим праздником. Поднимаюсь на второй этаж, захожу в двухкомнатную квартиру нашей прихожанки. Дома эти делались, когда строился город Братск, жильё считалось временным, но, как известно, нет ничего постоянней, чем временное. Сейчас в городе строятся новые дома, работает президентская программа по переселению из ветхого жилья, но там, как и предполагалось заранее, много несправедливости, и опять же, чему удивляться — эти дела завсегда воровато сложные... Сидя на стареньком диване, Нина

Николаевна гладила свои больные ноги. Дверь в её квартиру была не заперта, и она, услышав, что я подошёл к двери, громко сказала:

— Заходи, Толя!

В старенькой квартире пахло пирогами, и я доподлинно знал, что это ёдово для храма. Присев рядышком с ней,

протягиваю два листа напечатанного текста. Глянув на меня уже не по-командирски, заговорила:

— Я, Толик, потом, когда уйдёшь, посмотрю, при тебе не стану, а то подумаешь ещё, что я надзиратель какой. Пойми, как бы ты ни написал, думаю, пойдёт, ведь от души же дело затеваем.

Прошу её рассказать немного о себе, ибо от этого моему нутру было не уйти, было, правда, сомнение, что не станет рассказывать,

но Нина Николаевна тихо, как в храме, заговорила:

— А чего, Толик, рассказывать? Родилась в Ульяновске, папа Николай Иванович родился в селе Большая Озёрка, мама с Белоруссии, тятя у меня участник Великой Отечественной, контуженный пришёл с войны, все эти горестные годины прошагал, храню его награды; двух братьев да меня народили. Папа строил мосты, из города в город мы переезжали, три семьи – Марычевы, мы и Шеляковы, все строители. Перед начальством никогда не лебезил, как многие, всегда говорил правду в глаза. Когда папа женился, ему мамина родова сказала, что у них, коли женились, не бросают. Мама моя больной была, папа сам готовил, мыл полы, стирал, косички мне заплетал, сильно маму любил и жалел, это было сразу видно. Когда я училась в третьем классе, он научил меня готовить. Приехали в Братск в пятьдесят восьмом году, жили на Руднике, а там — мама милая! — грибов, ягод сколько было, за раз четыре - пять вёдер клюквы наберёшь, кажется, всей стране бы хватило. Рядом потом лагерь «Варяг» располагался. Были там хорошие дома, замечательно было: рудники, шахты — это до нас было давно разработано, ещё до революции, жили хорошо.

Да вот однажды одна умная начальница приехала, посчитала, что невыгодно нас автобусом возить в посёлок, и закрыли наш Рудник. Однажды идём с мамой, глядим — брусники-то сколько, а набрать не во что. Мамочка снимает чулки, да прямо в них и насобирала, питались мы там, помню, очень хорошо, жалко до смерти родные места беззаботного, босоногого солнечного детства. Папе дали трёхкомнатную квартиру в центральном Братске, но мы снова переехали на правый берег. Школу закончила здесь — в Гидростроителе, училась я плохо, и пошла учиться на повара, влекло меня к этому, родители отнеслись спокойно.

Время-то какое было — все напролом в институты поступали, но по тому времени страна наша была рабоче-крестьянской, потому я нисколько не комплексовала, что на повара пошла учиться, благо, училище находилось прямо в нашем посёлке. Директора училища вот вспомнила сразу, Мирой Андреевной звали, строгая была. Научили, словом, кухарить, и наука эта, я тебе доложу, Толя, сложная, как и любое профессиональное дело. Выучилась, да пошла работать, замуж так и не вышла, не всем ведь дано это,

жизнь, словом, жизнь. В шестнадцатой столовой работала, тех, кто семейные, в командировку не посылали, а я молодая, незамужняя, стало быть — все командировки мои. Сильная была, никого не боялась. Ежели кто выпросит шибко — и в морду любому мужику заехать могла. Работала в легендарном лагере «Варяг», видела знаменитого детского писателя Геннадия Михасенко, он же тоже в лагере «Варяг» работал простым сторожем, тихий, спокойный. Приходилось работать и в лагере «Ангара», на отопительном заводе.

Нина Николаевна замолчала, внимательно посмотрев на меня, продолжила:

- Я ведь поваром всю жизнь работала, многие ведь, кто после тюрьмы освобождался, все в столовую шли, ели. Таким образом, многих таких вот людей я знала. Мысль даже такая была - к ворам авторитетным обратиться в послании моём, храм-то всем надобен. Да боюсь, там, в Москве, на передаче, напугаются, скажут, тётка совсем с ума сошла, только кто ведает, где ныне больше правды.

Снова немного помолчав и погладив больные ноги, совсем тихо заговорила:

- Ленивых у нас не было — все, глядя на Тамару Бирюкову, старались работать. А потаскай-ка эти коровьи туши, бачки тяжеленные. Все наши ногами маются шибко. В столовых-то ведь, помнишь, народу всегда тысячи. И вот когда люди поедят приготовленную лично тобой еду и благодарят за это, вот в такие простые человеческие моменты очень хотелось продолжать, вроде бы, на первый взгляд, неприметное дело — кормить людей.

Пока мы сидели на её стареньком диване, в её квартиру заходили без спроса трое человек. Одному молодому парню и двум женщинам Тамара Николаевна прямо при мне занимала сколькото денег. Снова присев на диван, вздыхала:

- Это всё соседи ко мне ходят, да с окрестных домов, давно ведь здесь живу. Да, занимаю, когда отдадут, а часто не отдают и снова идут. Я даю, жалко, но не совсем бесшабашно, пытаюсь разобраться, какая причина. Что тут скажешь, гибнет наш посёлок без работы. А многие за копейки не хотят на дядю работать, сидят дома да дешёвый алкоголь пьют. Я вот твёрдо уверена — заработал бы наш отопительный завод, как прежде, и пить бы перестали.

Погост-то наш как множится от всей нынешней жизни, людям твердь добрую обресть надобно, от того и надумала я обращение писать.

Во время разговора в её квартире находился человек по имени Сергей. Он занимался починкой по электрике, менял старые розетки, провода. Когда Нина Николаевна сказала, что думала даже обратиться к ворам, то Сергей на это улыбнулся и сказал:

— Отчаянная ты, Нина...

Снова прошло несколько месяцев. Что Нина Николаевна отправила письмо-обращение, я, конечно же, знал. Потому как время от времени спрашивал её об этом в храме. Сергей, что ремонтировал розетки в квартире Нины Николаевны, недавно умер. Этот человек много раз сидел в тюрьме, но последние годы своей жизни помогал храму в плотницком деле. Когда помер, родственники почему-то хоронить его отказались, хоронил Сергея наш храм. Батюшка Георгий обратился к прихожанам, что, де, надо предать земле нашего прихожанина и строителя. А когда отпели Сергея и, вернувшись с погоста, сидели за поминальным столом, батюшка, памятуя, какой это был замечательный работник, сказал просто и задушевно:

— Эх, Серёга, Серёга!

Жалела его и Нина Николаевна, говоря мне:

— Он ведь — Сергей - сидел, но, Толик, если бы ты знал, как он Богу молился, иконку мне своими руками смастерил, умелец народный. Приснился мне во сне и говорит: «Я уж девять дней лежу». Это он уж в морге лежал. Ну, я тревогу подняла, оказалось, не хотят родственники хоронить. Ну, слава Богу,храм похоронил, да так, что и я бы хотела, чтобы меня так же. Он - Сергей - говорил мне, что Бог его любит и не забудет. Так всё и случилось...

Сегодня жаркий июньский день стоит. У нас в Сибири страшная засуха, зайдя к Нине Николаевне попроведать её, спешу на огород, предстоит окучка картошки — спасительницы нашей народной.

На своё обращение от передачи «Пусть говорят» ответа Нина Николаевна Шульгатак и не получила...

Низкий поклон праведному человеку Нине Николаевне Шульга! Спаси Господи!